

Литература, сближающая народы

Гости столицы

В просторных и шумных вестибюлах гостиницы «Москва» стоит неумолкающий многоязычный говор. В эти дни чаще всего слышится здесь быстрая туркменская речь. Писатели, артисты, художники, прилетевшие из Ашхабада, пользуются последними днями перед декадой, чтобы познакомиться с Москвой.

Мы беседуем с автором известного романа «Решающий шаг» — Берды Кербабаявым. Он озабочен тем, чтобы использовать ясный, солнечный и сравнительно свободный язык для поэзии на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку: в пятницу начнется декада, и тогда дни будут заняты выступлениями в дворцах культуры, в клубах, на заводах, творческих обсуждениями в Союзе писателей.

— Второй раз приезжаем мы в столицу, чтобы познакомиться с Москвой со своей литературой, — говорит Берды Кербабаяв. — Первая такая встреча состоялась, как известно, в 1945 году. Но трудно сравнить эти два творческих зрелища — туркменская литература выросла неизмеримо. В этот раз, писателей, зная, что в Москве их ждут, мы привезли с собой лишь рассказы, стихи и очерки... значительных, крупных произведений почти не было. Сегодня наши писатели выступают с повестями и романами, известными не только в республике, но и за ее пределами.

Быстро развиваются и все виды туркменского искусства — профессионального и народного. Мы увидим во время декады национальную оперу, национальный балет, фильмы. Много интересных изделий пришло на выставку прикладного искусства туркменские кушанья. Об одном из замечательных произведений — знаменитом коврегитане — уже сообщалось в «Литературной газете».

...По лестнице спускается группа артистов, они спешат в филал Большого театра. Там идут репетиции, монтировка предстоит спектакля. 14 октября — премьера оперы «Шашен и Гариб». Сейчас на сцене картина базара: фрукты в плетеных корзинах, кушанья с шербетом, блюда с шловом, груды шукор каракуля, ковры и ткани. Исполнители — без грима и костюмов — озабочено присматриваются к сцене, репетируют отрывки партий.

Та же взволнованная атмосфера приготовления к большому смотру и в других театрах, где выступают туркменские артисты. В Центральном доме литераторов раскладываются книги с книгами, прибывшими из Ашхабада для отчетной выставки туркменских писателей.

В Тбилиси и Сагурамо

ТБИЛИСИ. (Наш корр.) Широко и торжественно отмечают Грузия 250-летие со дня рождения Давида Гурамишвили. Этим юбилейным днем предшествовала, как известно, деятельная подготовка и на родные места и в Украине, где он провел большую часть своей жизни... Программа подготовки была очень обширной: литературные вечера, лекции, доклады, выставки.

8 октября в Тбилиси, в Концертном зале имени Шота Руставели, открылся юбилейный пленум Союза писателей Грузии с участием писателей делегаций Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Азербайджана и других братских республик. В зале присутствовала также делегация трудящихся Миргорода.

Пленум открыл секретарь правления Союза писателей Грузии С. Чидая. С докладом о жизни и творчестве Д. Гурамишвили выступил С. Чиковани. Второй доклад «Давид Гурамишвили на Украине» был сделан украинским литературоведом Д. Косарником.

На следующий день, едва успев взойти осеннее солнце, по убранным цветами проспекту Руставели — в сторону Военно-Грузинской дороги — потянулись колонны автомашин. На родине поэта, в деревне Сагурамо, расположенной в Арагвской долине, состоялся митинг, на котором присутствовали тысячи людей. Его открыл первый секретарь Союза писателей Грузии И. Абашидзе. С трибуны митинга выступили К. Сиомов, С. Вургул, А. Венцлова, Г. Леонидзе...

— Давид Гурамишвили, — сказал К. Сиомов, — не только мужественный сын мужественного народа. Его имя — символ дружбы наших народов. Нелегкая судьба прекрасного поэта была связана с Грузией, Россией, Украиной. Поэтому его поэзия нам особенно дорога. Да здравствует поэзия, которая сближает народы!

— На протяжении многих веков грузинская земля была колыбелью высокой поэзии и мудрой мысли, — говорил в своем выступлении Самел Вургул. — Одним из ярких представителей этой поэзии является Давид Гурамишвили, певец свободы, певец дружбы между народами. Поэтому его произведения стали национальным достоянием и моего, азербайджанского народа...

После митинга в Сагурамо состоялось большое народное гуляние.

Внезапно в Тбилиси происходила закладка памятника Д. Гурамишвили.

На родине Тургенева

Орел, Мишенк, Славское-Лутвиновское. Эти места тесно связаны с именем великого русского писателя И. С. Тургенева. Здесь он родился, провел детство, здесь встречался с теми простыми людьми, многие из которых стали впоследствии героями его произведений, здесь написаны лучшие его книги.

В Орле, на родине писателя, состоялась научная сессия «Тургенев в странах народной демократии и в литературах народов СССР». Сессия созвана по инициативе Орловского государственного музея И. С. Тургенева и Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. В зале областного драматического театра имени И. С. Тургенева собрались земляки писателя — рабочие, колхозники, преподаватели, партийные и советские работники, а также гости из Москвы, Ленинграда, Воронежа, Тулы, Брянска.

После вступительного слова секретаря Орловского обкома КПСС М. Дюбова с докладами выступили член-корреспондент Академии наук СССР М. Алексеев, профессор Софийского университета Велче Велче, доцент Тбилисского университета В. Натшадзе. Были зачитаны присланные на сессию работы китайского писателя Ва Цзиня и венгерского молодого ученого Пьетро Динери. Выступили молодые литераторы Людмила Шао-и (Китайская Народная Республика), З. Баранский (Польша), М. Кройтур (Румыния), Х. Шмидт (Германская Демократическая Республика). Они участвуют в Советском Союзе и работают над проблемой культурных связей России с их странами.

В докладах и выступлениях содержался фактический материал, свидетельствующий о том, что и в прошлом столетии и в настоящее время Тургенев являлся и является одним из популярнейших писателей мира. Так, в Польше в 70-х годах, в условиях жесточайшей партийной реакции, роман «Отцы и дети» выдержал четыре издания. Еще в 1889 году в Германии вышло 12-томное издание произведений Тургенева. В 1887 году в прогрессивном румынском журнале «Контимпорану» («Современник») была начата

тана пьеса «Завтрак у предводителя». За последние 30 лет в Китае переведены почти все произведения Тургенева. Особенно велика популярность Тургенева в Болгарии.

— Имя Ивана Сергеевича, — сказал Велче Велче, — много говорит болгарскому сердцу. Он тот русский писатель, который показал горячие симпатии к нашему освободительному делу. Характерно, что тургеньевская баллада «Крокет в Виндзоре» появилась в болгарской печати в 1876 году — на семь лет раньше, чем в России.

В небольшом городе под Белградом в музее бережно хранится рукопись письма Тургенева к его переводчику Вучетичу. Об этом рассказал М. Алексеев, держа в своих впечатлениях о поездке в Югославию.

Патриотические, свободолюбивые идеи творчества Тургенева были созвучны настроениям передовых людей многих стран. Тургенев, отмечалось на сессии, рассказывал зарубежным читателям о духовной красоте передовых русских людей, поведал о чарующей прелести русской природы. Поэтому нам понятно, почему так восторженно отзывались о Тургеневе зарубежные критики и писатели. Поэтический критик Е. Брандес писал: «Во всей европейской литературе редко встречается более тонкий психологический анализ, более полный рисунок характера...». Классик румынской литературы И. Л. Караджале в одном из писем восклицал: «Читал Тургенева. Великий мастер! Очень великий!». Тургенев переводился на свой родной язык Го Мо-жо и М. Саловану.

Как справедливо отмечали многие выступившие, усвоение тургеньевского творчества многими народами — процесс сложный, многообразный, и к его изучению нужно относиться творчески, с учетом конкретных исторических условий. Следует заметить, что на сессии мало говорилось о том, что может дать учеба у Тургенева современным писателям.

...Участники сессии посетили Славское-Лутвиновское, где все напоминает о Тургеневе. Здесь, в чудесном уголке среднейрусской полосы, еще яснее понимаешь, откуда черпал писатель краски, образы, вдохновение.

ОРЕЛ В. КОМОВ, З. ФИНИККАЯ

Великий сын армянского народа

ЕРЕВАН. (Наш корр.) 150-летие со дня рождения Ханчара Абовяна — большое событие в культурной жизни Советской Армении. Память о великом сыне армянского народа, основоположнике новой армянской литературы глубоко чтут в городах и селениях республики.

Знаменательной датой было посвящено торжественное заседание, состоявшееся в Государственном театре оперы и балета имени Спендиарова. В зале театра собрались представители общественности Еревана — рабочие, техническая интеллигенция, писатели, деятели искусства, работники партийных и советских организаций, учащиеся.

— Жизнь и творчество писателя-патриота — пример вдохновенного служения Родине, народу, — сказал во вступительном слове председатель Совета министров Армянской ССР А. Кочинян. — В его произведениях отражены думы и чаяния народа, его героизм и ненависть к поработителям, мечты о свободе и счастливой жизни. Абовян призвал неустанно крепить дружбу с великим русским народом, пропагандировал среди армян передовую русскую культуру. Мечты Абовяна сбылись в наши дни...

Доклад о жизни и деятельности Х. Абовяна сделал писатель Р. Кочар.

Вечер закончился большим концертом с участием лучших артистических сил республики.

Дни Адама Мицкевича в Литве

ВИЛЬНИУС. (Наш корр.) Столетие со дня смерти великого польского поэта Адама Мицкевича будет широко отмечено в Литве. Создана республиканская комиссия под председательством писателя Антанаса Венцловаса.

В Вильнюсе и Каунасе состоятся торжественные собрания, посвященные памяти А. Мицкевича; заседания и сессии организации также в высших и средних учебных заведениях. В Вильнюсском государственном университете имени В. Калпюкаса оборудуется комната-музей А. Мицкевича. Университет совместно с Министерством культуры, Академией наук и Союзом писателей Литвы создает выставку, на которой будет отражена жизнь, общественная и литературная деятельность А. Мицкевича. Выставки открываются и в крупных библиотеках.

В Вильнюсе и Каунасе будут установлены мемориальные доски в местах, связанных с жизнью и деятельностью великого поэта. Изданы и будут изданы произведения А. Мицкевича в переводе на литовский язык. В одностороннем входят лирика, баллады, сонеты «Любовные» и «Крымские сонеты», поэмы «Гражина» и «Корнац Валленроде», отрывки из драматической поэмы «Дзядзи», а также фрагменты из поэмы «Пан Тадеуш». Многие произведения печатаются в новых переводах.

Готовится к изданию трехтомник сочинений А. Мицкевича на польском языке.

Встреча в Алма-Ате

АЛМА-АТА. (Наш корр.) Летом этого года группа казахских писателей побывала в Киргизии. В совместной беседе писатели двух близких по территории и родственных по языку и культуре народов разговорились о постоянной творческой связи.

Недавно группа киргизских писателей в свою очередь побывала в Алма-Ате. В Союзе писателей состоялось знакомство казахских поэтов, прозаиков и журналистов с гостями. Продолжая начатый еще летом разговор, было решено провести в ноябре во Фрунзе вечер казахской поэзии и прозы, организовать выступление казахских писателей перед киргизскими читателями, а затем в Союзе писателей Киргизии обсудить отдельные произведения гостей.

В беседе был затронут вопрос и о переводе произведений казахских писателей на киргизский язык и киргизских писателей — на казахский. На киргизский язык переведены две книги романа «Абай» Мухтара Ауэзова, заканчивается работа над переводами произведений Муканова, Мустафина, Мусрепова и других.

— Многие киргизские читатели могут прекрасно читать произведения казахских поэтов и прозаиков в оригиналах, так же как и казахские читатели могут читать произведения киргизских писателей, — сказала в своем выступлении Тугельбай Салдыбеков. — Беда в том, что во Фрунзе нельзя найти книги на казахском языке, а в Алма-Ате — на киргизском.

Многие решено чаще публиковать критические статьи о творчестве казахских писателей в киргизских газетах и журналах, а о творчестве киргизских писателей — в казахских; совместно проводить творческие обсуждения вопросов литературы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 121 (3466)

Вторник, 11 октября 1955 г.

Цена 40 коп.

Жигули, октябрь 1955 года

ВЫХОДИЛА НА БЕРЕГ

«КАТЮША»...

Необычную машину мне пришлось увидеть недавно на волжском берегу. С десятичного грузовика «ИЗ» сняли кузов, вместо него стояла металлическая площадка. Когда площадка начала подниматься под углом, я сразу вспомнил: «Катюша». Впрочем, подумал об этом не я один. — водители сразу окрестили грузовик именем прославленного фронтového оружия.

Поначалу автомобилисты стройки, узнав, что при перекрытии Волги придется сбрасывать в воду шестиступенчатые бетонные пирамиды, не возражали, чтобы кузовы их машин были обрешены. (А на это не так легко согласиться, если ты на этой машине проделал больше ста тысяч километров!). Но инженеры предложили совсем снять кузов, заменив их специально смонтированной самосвальной площадкой. Это было сделано, и приступили к «репетиции».

Подъемный кран легко поставил на площадку десятитонную глыбу. Машина выехала на опытную бревенчатую эстакаду, шофер включил механизм, и верхняя часть самосвальной площадки начала подниматься. Когда она достигла нужного уклона, пирамида соскользнула вниз. Земля вздрогнула от удара.

Больше ста опытных сбрасываний пирамиды автомобилисты. Самосвальная площадка успешно прошла испытание. «Репетиции» проводили водители пятого участка левого берега. Но дальше здесь начались почти драматические события. Дело в том, что около трехсот водителей участка по условиям социалистического соревнования получили право претендовать на участие в перекрытии Волги, а нужно всего лишь 80 человек. В результате самого строгого отбора список все же превысил сто человек. Это были лучшие из лучших, такие, как Антон Ленсович Соколов, Георгий Михайлович Игнатьев, Виталий Андреевич Задворный, братья Петр и Иван Юсько и другие. Они работали

На десятки километров раскинулись сооружения крупнейшей в мире Куйбышевской ГЭС. Не хватит суток, чтобы только объехать объекты стройки. В этом репортаже, не пытаясь «объять необъятное», хочется рассказать несколько эпизодов из жизни гидростроителей, озабоченных в эти дни одним: в срок перекрыть Волгу у Жигулей.

Заметно нервничал, особенно когда сплывать в реку шестиступенчатые бетонные пирамиды, не возражали, чтобы кузовы их машин были обрешены. (А на это не так легко согласиться, если ты на этой машине проделал больше ста тысяч километров!). Но инженеры предложили совсем снять кузов, заменив их специально смонтированной самосвальной площадкой. Это было сделано, и приступили к «репетиции».

Подъемный кран легко поставил на площадку десятитонную глыбу. Машина выехала на опытную бревенчатую эстакаду, шофер включил механизм, и верхняя часть самосвальной площадки начала подниматься. Когда она достигла нужного уклона, пирамида соскользнула вниз. Земля вздрогнула от удара.

Больше ста опытных сбрасываний пирамиды автомобилисты. Самосвальная площадка успешно прошла испытание. «Репетиции» проводили водители пятого участка левого берега. Но дальше здесь начались почти драматические события. Дело в том, что около трехсот водителей участка по условиям социалистического соревнования получили право претендовать на участие в перекрытии Волги, а нужно всего лишь 80 человек. В результате самого строгого отбора список все же превысил сто человек. Это были лучшие из лучших, такие, как Антон Ленсович Соколов, Георгий Михайлович Игнатьев, Виталий Андреевич Задворный, братья Петр и Иван Юсько и другие. Они работали

на строительстве самого начала, были столыщиками (то есть прошли на своих машинах по сто тысяч километров без капитального ремонта). Включили в число водителей и молодых водителей, недавно прибывших на стройку, но уже успешных проявивших себя с лучшей стороны.

Не поспевая в список водители после конца смены собираются у контроля. Они выжидают: лет ли кому отвод? Уже недалек тот час, когда авто-«Катюша» выедет на волжский берег, на то место, где скоро будут плаваться волны Куйбышевского моря.

Полноводную, могучую матушку-Волгу тут, почти «до самых позновок», перекрытия в районе Жигулей пояса перемычек. Величайшей реке Европы оставлена лишь узкая правая протока шириной 350 метров. Вот почему она ярится и крутит, неся здесь свои струи со скоростью до трех метров в секунду. Но скоро на пути стремительного потока встанет преграда.

Мощный буксир подводит к створу будущей плотины длинную грузевую вагонку баржу. Едва баржа достигла нужной отметки, бульдозер начинает ползти по палубе, сдвигая стальной носком кучу камня все ближе и ближе к борту, пока глыбы с плеском не обрушиваются в воду.

Выше по течению, в небольшой бухте, собрался необычный флот — полсотни металлических барж, сцепленных по четыре. Это — сены плавного моста, с которого будет вестись переплытие Волги.

На днях в бухте было большое оживление. Буксирный пароход «Батильский» пришел за первым сеном моста. На служебном катере прибыли речники, другой катер занял операторы и корреспонденты.

Начальник третьего участка района перекрытия Волги Иван Павлович Саулид, в черной капитальной шинели и форменной фуражке, командовал выходящей сены. Он

покачивал крыльями. Голубой катер, стоящий выше протоки, отваливает от берега. Он идет наперерез волнам к Жигулям.

В бинокль видно, как команда катера сбрасывает в воду дощатые плиты с флажками. Один за другим двенадцать плиток выплывают в протоку. Те, что попали в середину течения, проносятся в створе плотины первыми. Два плота, оказавшись в тиховодье, застревают у берега.

Самолет, закладывая на высоте 700 метров один ярус за другим, каждые сорок секунд фотографирует поверхность реки. Катер собирает далеко уплывшие плиты. Два плотика ему никак не найти.

— На катере, на катере! — слыт в судовой рации голос штурмана самолета Максимова. — Вижу два плотика слева перед десятой опорой!

Катер меняет курс, и самолет уходит. Через несколько часов фотопленка будет проявлена и обработана, по белым точкам плотавков вычертят кривые потоков, высчитают скорости течения...

ЖДЕМ ОТ ВАС ПОДВИГА!

К. ЛАПИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

поскачивал крыльями. Голубой катер, стоящий выше протоки, отваливает от берега. Он идет наперерез волнам к Жигулям.

В бинокль видно, как команда катера сбрасывает в воду дощатые плиты с флажками. Один за другим двенадцать плиток выплывают в протоку. Те, что попали в середину течения, проносятся в створе плотины первыми. Два плота, оказавшись в тиховодье, застревают у берега.

Самолет, закладывая на высоте 700 метров один ярус за другим, каждые сорок секунд фотографирует поверхность реки. Катер собирает далеко уплывшие плиты. Два плотика ему никак не найти.

— На катере, на катере! — слыт в судовой рации голос штурмана самолета Максимова. — Вижу два плотика слева перед десятой опорой!

Катер меняет курс, и самолет уходит. Через несколько часов фотопленка будет проявлена и обработана, по белым точкам плотавков вычертят кривые потоков, высчитают скорости течения...

ЖДЕМ ОТ ВАС ПОДВИГА!

К. ЛАПИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Хотя формулировка признания может со стороны показаться наивной, но здесь ее воспринимать иначе. Строительство величайшей гидростроительной в столь короткий срок — беспримерный коллективный подвиг строителей, всего советского народа. Подвиг становится нормой поведения людей, на подвиг надвигаются всех.

Отложить перекрытие Волги можно лишь на несколько дней, но больше, ибо земснарядчики должны до начала лета намыть миллионы кубометров грунта в плотину опоры реки. Тогда в конце года первые гидроагрегаты дадут промышленный ток, весенний паводок будет удержан плотинами, образуя Куйбышевское море.

Вот почему снова на устах у всех трудящихся подвиг экскаваторщика Михаила Евца, который скоро начнет выемку третьего миллиона кубометров грунта на ГЭС. Прокладывая подводный канал, Евец вывел тяжелую машину на отсыльную скальную гору и начал разработку грунта на таком узком забое, на каком еще никто до него не работал. Равняйтесь на Евца, товарищи экскаваторщики!

В бурю на кабель-кране нижнего судлодного шлюза соскочил с троса ролик грузовой тележки. Закупорилась важная транспортная артерия. Помощник машиниста крана Сергей Пиков на высоте 60 метров прополз по колеблющимся от ветра канатам. Порыв ветра сорвал с его головы фуражку, из рук выпал разводной ключ, но Пиков исправил повреждение.

Равняйтесь на него, товарищи крановщики и верхолазы! Не есть в стройке люди, которые даже в эти горячие предпоследние дни не топорачивают ленту показаний охолода. Склонившись над бумагой, производственники изучают промеры дня.

— Как я и думал, отсыпку банкета надо перенести позальше от десятой опоры, вот сюда! — Начальник первого участка гидрологической экспедиции Данилов в прорабской районе земляной плотины.

Тот разворачивает ленту показаний охолода. Склонившись над бумагой, производственники изучают промеры дня.

— Как я и думал, отсыпку банкета надо перенести позальше от десятой опоры, вот сюда! — Начальник первого участка гидрологической экспедиции Данилов в прорабской районе земляной плотины.

Тот разворачивает ленту показаний охолода. Склонившись над бумагой, производственники изучают промеры дня.

— Как я и думал, отсыпку банкета надо перенести позальше от десятой опоры, вот сюда! — Начальник первого участка гидрологической экспедиции Данилов в прорабской районе земляной плотины.

Тот разворачивает ленту показаний охолода. Склонившись над бумагой, производственники изучают промеры дня.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Рассказывает Дзюндзи Киносита

Имя Дзюндзи Киносита, известного драматурга и активного участника движения за мир, популярно в Японии. Дзюндзи Киносита в числе других членов делегации деятелей японской культуры гостил недавно в Советском Союзе.

Корреспонденты «Литературной газеты» попросили Дзюндзи Киносита рассказать о состоянии японской литературы, поделиться своими впечатлениями от пребывания в Советском Союзе.

— В краткой беседе, — начал свой рассказ Дзюндзи Киносита, — я смогу дать лишь схематический обзор современной японской литературы. Среди литераторов старшего поколения, творчество которых развивалось в довоенный и военный периоды, необходимо выделить так называемую группу «Бундан» («Литературная группа»), в которую входят писатели, придерживающиеся идеалистических взглядов на литературу.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю нашего народа в результате поражения в войне и длительной иностранной оккупации, заставили даже некоторых писателей из группы «Бундан» откликнуться на общественные изменения. Так, писатель Кадзуро Хироцу выступил в защиту осужденных по делу Мацукава, сфабрикованному реакцией в целях подавления освободительного движения в стране. Им опубликованы в журнале «Тюокорон» гневные памфлеты против полицейского произвола.

Левые писатели старшего поколения, такие, как Сунэо Токунага, Тару Такакура и другие, верны реалистическому методу. Они добились немалых успехов, отображая в своих произведениях борьбу народа за независимость, демократическую и миролюбивую Японию.

В народе популярны имена таких талантливых художников слова, как Хироши Нома, Иосиро Хотта, Тайдзюн Такада, Кобо Або и другие. В сложных условиях они ведут борьбу за идейность в литературе, против апатичности.

В своем творчестве демократические писатели все больше стремятся следовать методу социалистического реализма. Большим событием в литературной жизни Японии явилось издание специального сборника, посвященного Второму съезду советских писателей. Значительную помощь японским писателям оказала статья И. Г. Эренбурга «О работе писателя», перепечатанная и изданная отдельной брошюрой в Японии.

Примечательным явлением японской литературы последних лет следует считать приток в среду писателей большого числа рабочих и студентов.

На пути развития нашей литературы стоят огромные трудности, но мы уверены, что преодолеем их и создадим произведения, в которых будет реалистически отображаться жизнь. Залогом этого является большая помощь, которую оказывает нам советская и китайская литература.

— Я, — продолжал Киносита, — принадлежу к последнему поколению писателя. Занимаюсь литературным творчеством около восьми лет. Мною написаны четыре драмы и двадцать одноактных пьес.

В пьесе «Лягушка возносится в небо» я показал грязную кухню антисоветской и антикоммунистической клеветы. Эта пьеса прошла с успехом в Токио и Осака. Ее ставили также многие самостоятельные драматические кружки. Немалый успех имела и другая моя пьеса «Вечерняя паля». В этой пьесе, используя образы, найденные одной поэтической народной легендой, я пытаюсь вызвать ненависть зрителей к тем, кто присваивает чужой труд.

Надо сказать, что обращение писателей к народному фольклору — явление, широко распространенное в современной Японии.

По возвращении на родину я собираюсь присутствовать на большом пятиактном пьесе. В ней я намерен выступить против тех, кто считает, что нынешнее положение Японии должно быть увековечено на том основании, что в нашей стране будто бы «мирно сосуществуют» феодализм, капитализм, а также движение за мир.

— Вы спрашиваете меня, что я думаю о возможности культурного обмена между Японией и Советским Союзом? По моему мнению, самым главным условием для налаживания регулярного и широкого культурного обмена между Японией и Советским Союзом является быстрейшая нормализация отношений между обеими странами. Восстановления дипломатических отношений желает подавляющее большинство японцев.

Наиболее эффективным средством культурного обмена могли бы стать взаимные посещения японских и советских деятелей литературы и искусства. Необходимо наладить широкий взаимный обмен литературой, кинофильмами, грамзаписями, художественными выставками.

Я прибыл в Советский Союз после посещения Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В этих странах я воочию убедился в преимуществах социалистического строя.

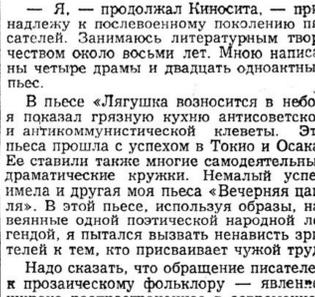
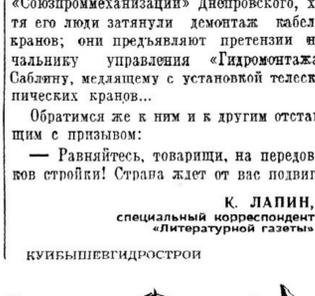
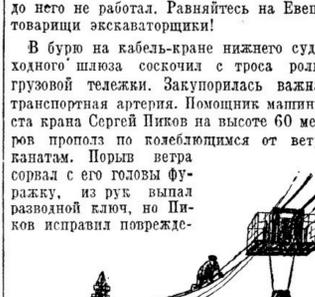
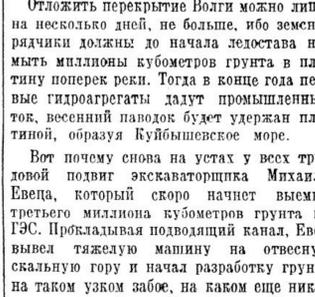
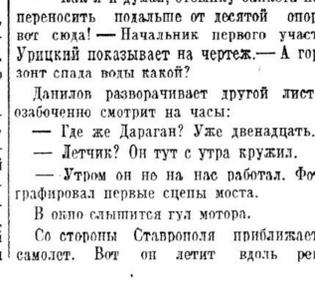
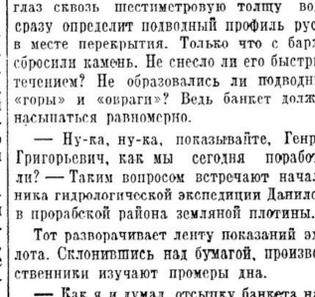
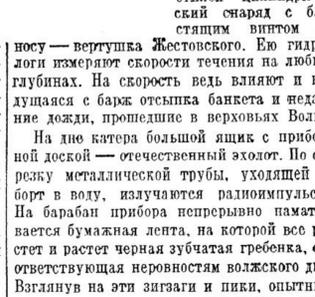
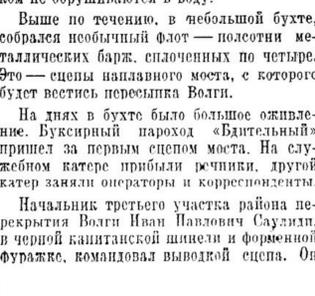
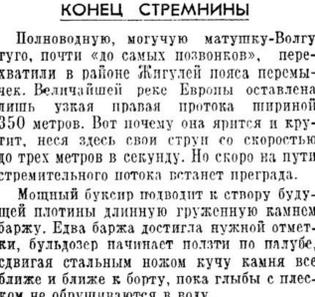
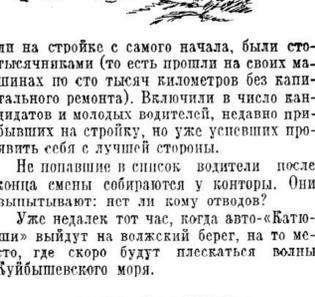
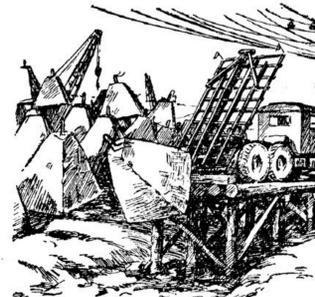
Полное отсутствие расовых предрассудков у советских людей произвело на меня огромное впечатление. Советские люди искренни, приветливы и очень радушии.

Поэт и читатель

9 октября в Старорполе состоялся День поэта. За прилавками книжных магазинов вместо продавцов читатели встретили местных поэтов.

Дню поэта предшествовала большая подготовительная работа. На страницах газет печатались стихи местных авторов, в библиотеках и школах открывались специальные выставки. На вечерах поэты знакомили читателей со своей творческой работой.

Рисунки художника В. Ермакова

Правобережный котлован Куйбышевской ГЭС перед затоплением.

Решающий шаг

Ю. КАРАСЕВ

Название этой книги — «Решающий шаг» — многозначительно. Писатель назвал ее так потому, что в ней отражен решающий этап в жизни туркменского народа. Сама эта книга — первое крупное реалистическое произведение туркменской прозы — была своего рода «решающим шагом» для литературы Советской Туркмении.

Роман Берды Кербабаева «Решающий шаг» ярко свидетельствует об успехах туркменской литературы, о быстром темпе ее развития. В самом деле: к Первому всеобщему съезду писателей (1934 год) проза в Туркмении лишь начиналась, а уже в сороковых годах появились романы «Решающий шаг», расцененный литературной общественностью, как значительное явление всей советской литературы, поставивший Берды Кербабаева в ряд крупных советских мастеров слова.

Быстро развитию туркменской прозы, основывавшемуся на общем ряде культуры в нашей стране, способствовало то, что она могла опереться на накопленные к тому времени традиции русской советской литературы, литературы социалистического реализма. Обращение к богатейшему опыту русской литературы, глубокое знание действительности и свобода творчества творческого почерка, отличающегося зрелой простотой и ясностью, — все это помогло Берды Кербабаеву создать фундаментальное прозаическое полотно.

Роман «Решающий шаг» можно с полным правом назвать эпопеей жизни и борьбы туркменского народа. Писатель широко охватил важнейшие исторические события, определившие судьбу Туркмении; четко и убедительно изобразил классовое расслоение в туркменском ауле и городе, непримиримые противоречия между бедняками-лейханами, изнуренными правительственными поборами и байскими гнетами, и противостоящим действам тесным союзом дарских чиновников и местных заправил. В соответствии с правдой жизни в романе выделена проблема, всегда занимавшая у туркмен особое место, — «проблема воды». Земля туркменская извлекла от жажды, и в борьбе за воду с наибольшей решительностью сталкивались интересы бедноты и баев, которые обманом, ловко играя на родовых предрассудках, «собирали» на должностных мирабов (распределителей воды) своих людей и с их помощью обрабатывали народ... Капнут революции, первая мировая война, Великий Октябрь, годы гражданской войны...

Город, аул, фронт, штаб контрреволюции, стан новоявленного восточного владыки Эзиз-хана, Советы...

Туркменская беднота — батраки и мелкие арендаторы; русские большевики — красногвардейцы, рабочие, железнодорожники; богатеи-баи, торговцы; представители царской власти, уздечные начальники и их преданные помощники — волостные управители, старшины аулов, мирабы, толмачи («переводчики»), писари; окружение «хавов» и «беков»; меньшевистские и эсеровские прихитрицы контрреволюции...

Весь этот поток людей, событий, конфликтов писатель сумел направить по единому сюжетному руслу.

Участь у таких писателей, как Горький и Шолохов, Берды Кербабаев в центре своего многопланового повествования поставил судьбу рядового представителя туркменского народа; и образ этот, как магнит, притянул к себе главные из пестрого жизненного материала, композиционно организовал расположенные в радиусе романа (в основной его части) конфликты и эпизоды.

Порой, говоря о каком-либо эпическом произведении, критик, заупытавшись в основных и второстепенных образах, заявляет: здесь нет основного героя, главный герой романа — народ. В романе «Решающий шаг» мы легко назовем основного героя: это молодой действующий герой Бадала. Путь Артыка — это и есть сюжет книги. Однако главным героем произведения является и народ. И не только потому, что Артык показан на широком фоне народной жизни. Артык сам воплощает в себе лучшие, типические черты своего народа («Жизнь всех дейках похожа на мою»); в его образе отражены также и колдования, противоречия, мучившие действенную массу, в прошлом темную и несвободную, не досущую еще до революционной сознательности (для большинства дейках непонятно было и само слово «революция») и лишь сердцем чуявшую правду...

Перед нами — роман-эпопея и в то же время, по замыслу, «роман одного героя». Характер главного героя произведения Артыка сложен: путь его — это «путь горячего стремления к свободе, к счастью народа, путь ошибок, раскаяния, испытаний, борьбы вместе с народом и неслучайно счастливых побед», путь, которым прошел не один Артык...

Артык не сразу находит свое место в общем революционном строе. Он хорошо знает: бай — ему враг, и царский чиновник — враг. Но милости баев и чиновников Артык расстался с единственным коном, с водой, с урожаем, чуть не потерял любимую девушку Айну. Во многом помогают разобраться Артыку русский большевик Иван Чернышов и его товарищи. Но Артыку, хотя он и зорче многих своих земляков, не хватает все-таки той ясности видения действительности, той способности расчленивать клубки жизненных противоречий, какой обладают большевики Чернышов и Тыженко и друг Артыка — Амир, долгое время находившийся среди русских рабочих и прошедший там хорошую школу.

Берды Кербабаев, «Решающий шаг», Роман в трех книгах. Перевод с туркменского А. Садовского и З. Мухамедовой. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1955.

Новое о Серафимовиче

Серафимович (Наш корр.). В десятой книге альманаха «Литературный Сталинград», находящейся в производстве, впервые публикуется рассказ А. Серафимовича «Бедьма». Это — одна из картин местной стальной жизни, задуманных писателем для большой автобиографической повести.

Публикуются также новые библиографические данные о Серафимовиче, в частности, «Доклад вице-директора департамента полиции Всесоюзного совещания о студенте Санкт-Петербургского университета Александре Серафимовиче Попове, обвиняемом в политической неблагонадежности». В докладе «выяснены» связи, между прочим, принадлежность его к

Да к тому же и характер у Артыка не из «гладеньких»: он молод, горяч, упрям, сердце у него «всегда скачет вперед расудка», и хотя Артык всей душой стремится к одному — «освободить туркменскую свободу и лучшую жизнь», он идет к своей цели подчас окольными путями.

Еще до революции, в дни, когда в родном его краю назревает стихийное восстание против дарских властей, отдавших приказ о мобилизации туркмен на тыловые работы, Артык примыкает к Эзиз-хану. Действиями Эзиза руководит одно желание: свалить царских чиновников, самому сесть на шею народу. На какое-то время его демогогия обманула простых дейках; и Артык, которому не по душе надменность главы восстания, мучаясь сомнениями, все-таки идет за Эзиз-ханом.

И в дни революции, выйдя из тюрьмы, куда он попал после разгрома восстания, Артык не становится сразу рядом с Чернышовым, Тыженко и Амиром, а вновь возвращается к Эзиз-хану, поднимавшему «знамя пророка». В Советах действуют не только большевики, но и скрытые враги народа, байские приспешники, осеры. Артык не в силах правильно и трезво оценить положение, вызванное сложной расстановкой политических сил; ему кажется, что Чернышов поддерживает таких, как Кулалыхан, который до революции служил писарем волостного управления, а затем перешел в Совет и остался исполнителем байской воли. Артык отшатывается от своих друзей.

Немало прохвот времени, немало испытаний выпадает на долю Артыка, пока он начинает понимать, кто его враг и кто настоящий друг. Сама жизнь, суровый учитель, сняв с его глаз повязку, показала ему подлинное обличье Эзиз-хана — злобного, алчного деспота, врага народа; жизнь раскрыла перед Артыком всю глубину и трагичность его ошибки: в одной из стычек банды Эзиза с красногвардейцами Артык чуть не убит Амиром!

Но не только жизнь, не только раздумья над происходящим приводят Артыка к единственно верному решению. За Артыка боролся его друг, веривший в него, видевший в его «чистых глазах... душу его трудового народа». И, пройдя сквозь горнило жизни, Артык принял протянутые ему друзьями руки и вместе с ними вступил в решающую битву за счастье народа, битву, завершившуюся полной победой революции в Туркмении.

Многим молодым литераторам наших братских республик в период их становления был свойственен один общий недостаток: характер главного положительного героя прозаических произведений, в которых впервые рождаются новые темы, оказывался статичным. Вокруг героя все мненяется; перемены происходят и в его жизни, а он — все тот же.

Берды Кербабаев счастливо избежал этого просчета. Образами для него служили лучшие произведения русских советских писателей; и, следуя их примеру, он показал Артыка в движении, в росте, в преодолении ошибок и заблуждений. Артык последних страниц романа отличен от Артыка, с которым знакомимся мы в начале повествования, и перемены, происходящие с ним, помогают нам лучше понять характер развивающихся в романе событий, яснее увидеть закономерность пути героя в революцию, глубже осознать ту благотворную роль, которую играет в жизни народа коммунистическая партия.

Образ Артыка — несомненно удача писателя, а так как Артык — главный герой произведения, то и удача эта решающая. Впрочем, писатель не позволил Артыку загордиться собой других героев романа, он «сподкрепил» его образ целой галереей запоминающихся характеров: русских большевиков, Амира, обездоленного судьбой бедняка Гандима, байского работника Мавы, смелой и самостоятельной Айны, решительно защищающей свою любовь и свободу, байской наложницы Мехлиды, беззаветной от Халназар-бая и ставшей женой Мавы.

Реальными получились в «Решающем шаге» и фигуры эксплуататорского и контрреволюционного лагеря: Эзиз-хан и его кровожадный «наставник» Джуналыхан, правитель Ташауза и Хорема; вояцкий, властный и высокомерный полковник Белогония — уздечный начальник; лукавый жлоб Мамедвели, молвитивно призывающий дейках «прислушаться к словам Халназар-бая»; старшина Бабахан, изво всех сил старающийся угодить начальству; болтливый, неслучайный мираб Покия Вала — ревностный защитник байских интересов.

Особенно колоритен среди этих образов Халназар-бай, фактический хозяин аула Гоша, из которого родом и Артык. Характер и социальные сдвиги в этом образе в неразрывное целое: это и очень живой человеческий характер и в то же время типический представитель своей социальной группы, наглядный и безжалостный эксплуататор, выжимающий из дейках последние соки. Отлично написан Берды Кербабаевым эпизод «успокоения» Халназара своего работника Мавы: стараясь спасти сына от призыва на тыловые работы, Халназар начинает занекать перед Мавой, умоляет ее и подстраивает все так, что незалекий батрак Мавы готов для него «есть только на работу, на смерть пойти, если нужно». Побуждения Халназар-бая среди побуждений других баев, стремящихся свалить все тяготы на плечи

своими адресатами, при проверке которых оказалось, что в большинстве своем это адреса лиц, прилежавших или прилежавших к должности, а также участников покушения 1 марта.

Публикуются также переключенное полицейским письмом А. Серафимовича из места ссылки — города Мельне, Архангельской губернии, адресованное Фролу Рувфовичу Гордееву в село Большая, Усть-Медведицкого округа. В этом письме, полном тоски и негодования, Серафимович с большой остротой и злобой пытался высказать о студентах-революционерах, ускользнувших от ареста по делу 1 марта.

Существованию среди студентов «Землячечку кубачен и дощю». Члены этого землячества «знали о том, что готовится покушение на жизнь государя императора. Вследствие этого на членов этого землячества было обращено особое внимание, в том числе и на Александра Попова, фамилия которого оказалась в записной книжке казенного истре по делу 1 марта Ульянова».

В посланном докладе описываются обстоятельства ареста Серафимовича 9 апреля 1887 года. Указывается, что «Попов намеревался скрыться за границу», что при обыске в нем в числе прочей переписки найдена записка книжка с разными петербургскими адресами, при проверке которых оказалось, что в большинстве своем это адреса лиц, прилежавших или прилежавших к должности, а также участников покушения 1 марта.

Публикуются также переключенное полицейским письмом А. Серафимовича из места ссылки — города Мельне, Архангельской губернии, адресованное Фролу Рувфовичу Гордееву в село Большая, Усть-Медведицкого округа. В этом письме, полном тоски и негодования, Серафимович с большой остротой и злобой пытался высказать о студентах-революционерах, ускользнувших от ареста по делу 1 марта.

Самодельная кожаная обложка.

народа, и возможности у него такие же, но действует он по-своему: он изворотлив и сладкогочив, этот хитрый притворал...

В романе Берды Кербабаева много примечательного. Критика в свое время, в связи с выходом в свет первого издания романа на русском языке, отмечала и его достоинства, и крупные недочеты, и специфические свойства его формы как формы национальной. Поэтому мы остановимся лишь на одной особенности произведения — на его многоветвистости, полифоничности. Многие главы, написанные живыми, сочными красками, выглядят как законченные картины. Однако колоритные, главы эти различны по тональности, а все вместе составляют одно большое яркое полотно, радующее глаз богатством тонов и красок. Присмотритесь, прислушайтесь, например, к сцене в чайхане. Фигуры собиравшихся здесь кутил — из богатей и местной чиновной знати — очерчены сатирически резко; бытовые подробности выписаны так, что чувствуешь омерзение ко всей этой шайке разбойников. А вот другая сцена: палей заимодавими урожай Артыка. Слово ворона, стелется оно к Артыку, только что собиравшему урожай, и злоесть угрозы звучит для дейкашина их приветствие: «Изобилие вашему урожаю!». Отбывая «свою долю», они лезут друг на друга с кулаками; а Артыку, оставшемуся без зерна, приходится только горько усмехаться. Грустная и злая эта сцена! И завершается она, как печальная сказка: «От всего урожая... остались лишь горсточка зерен, застрявших в чюках!», Артык вытряхнул их на землю: доля птиц...».

И ни на одну из этих глав не похожа глава, где описывается городская толпулка, на которой, словно напояк, выставлено горе народное. Автор стремится здесь вызвать у читателя не казнийский смех и не горькую улыбку, а гнев и жалость.

В большинстве своем все это — бытовые сцены. Писатель многое дает через быт, дополняя в бытовых эпизодах образы характеров, проявляя в характерах социальное начало, выражая — самой тональностью эпизода, отбором деталей — свое отношение к происходящему. Бытовое, жизненно достоверное описание несет у него полновесную идейно-художественную нагрузку.

Правда, иногда Берды Кербабаев увлекается бытованием. Отвлеченные от идейно-сюжетной основы бытовые зарисовки, сами по себе, может быть, и ценные, встречаются, к сожалению, не только в романе «Решающий шаг», но и в произведениях других среднеазиатских писателей, и, значит, это уже характерный, типический недостаток. В «Решающем шаге» немало места отведено, например, описанию похорон Халназар-бая. Хороший обряд изображен подробно и красочно. Но что нового прибавляет эта сцена к нашему знанию о героях и их отношении? Раскрывает ли она глубже идею произведения? Нет. И сюжета эта сцена не движет: наоборот, тормозит действие.

Как известно, отдельные недостатки романа «Решающий шаг» не помешали ему получить заслуженное признание широкого читателя. Роман был удостоен Сталинской премии и выдержал несколько изданий.

Однако успех книги не заставил писателя отказаться от дальнейшего ее совершенствования. Высокательный художник, он внимательно прислушался к голосу общественной критики, прельщая к себе высокие требования и, словно желая преодолеть наглядный урок молодым литераторам, взялся за серьезную доработку романа.

Совершенствуя книгу, автор привлек в нее свежий многообразный исторический материал, углубил и расширил ее содержание. В романе усилен показ революционизирующего влияния партии на дейкашские массы и непосредственной помощи русского пролетариата туркменскому народу; обогащен новыми чертами образ большевика Чернышова; заострено изображение носителя националистической идеологии, позднее показавшего, что идеи пантюркизма и панисламизма были враждебны интересам народа и выгодны были властолюбцам, вроде Эзиз-хана, или хитникам-богачам, вроде Халназар-бая, который грабил народ при прямой поддержке со стороны «пророка» Мамедвели-ходжи.

Стремясь придать роману большую композиционную цельность, писатель продолжал, развил сюжетные линии, ранее обрывавшиеся задолго до финала; он дал нам возможность проследить за судьбами Мавы и Мехлиды. В результате доработки в произведении появились такие важные для раскрытия идеи романа эпизоды, как эпизод в вагоне (где едут мобилизованные Эзиз-ханом дейках), показывающий отношение к Эзизу различных слоев дейкашства.

Правда, оставив роман (особенно в последней его части, можно сказать, наивно написанной автором) новыми, художественно претворенными историческими фактами, стараясь точнее отобразить историю во всей ее полноте и сложности, писатель, как нам кажется, недостаточно продумал место Артыка среди новых событий, новых сюжетных линий. Количество эпизодов в романе увеличилось, а объем роли Артыка остался прежним. В результате, образ Артыка в последней части романа порой несколько теряется в тесном окружении новых эпизодов и сильных образов.

Хотелось бы, чтоб замечания критики, которые уже сделаны или будут сделаны в адрес данного романа, писатель учел при работе над следующим книгам. С удовлетворением прочитав новый вариант романа «Решающий шаг», читатель будет теперь ждать от ветерана туркменской прозы новых ярких произведений.

«...Читаешь иной раз книгу и чувствуешь, как все художественно, красиво оформлено, а оторвешься от книги, — подумаешь, и вроде процент жизни в книге невысокий получается». — Так сказал недавно тракторист кубанской станции Ольгицкий, ловивший свое выступление на читательской конференции изображению современной колхозной деревни.

«Всюкий процент жизни» — не есть ли это главное в литературе, если она хочет сохранить способность разрешать большие и сложные жизненные задачи, а не развлекать «после служебных тягот» (Маяковский).

И не потому ли приобретает такое большое значение тесно приближенный к жизни жанр — жанр очерка? Он призван не только давать правдивое изображение жизни, но и способствовать повышению «процента» ее в литературе, постоянно возлагая новые образы, факты, пласты жизни.

Журнал «Юность» напечатал очерки Анатолия Злобина, посвященные жизни и быту на целинных землях.

Очерк «В дороге» мог бы быть еще одним очерком о юности, возмужавшем в условиях работы на целине, но автор ушел от штампа, своими наблюдениями повисив «процент жизни» в очерке.

Юрий В-н едет на целину по довольно странной путевке, путевке, которой добился для него против его воли, обманув его отца, завод и райком комсомола, мачеха. Она была настоящей мачехой и всеми средствами хотела избавиться от пасынка. Она соорудила, как говорит Юрий, «целинный роман» о его желании поехать на целинные земли. Застенчивый и пассивный юноша не разоблачил ее, и вот он на целине.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПРОЦЕНТ ЖИЗНИ

«...Читаешь иной раз книгу и чувствуешь, как все художественно, красиво оформлено, а оторвешься от книги, — подумаешь, и вроде процент жизни в книге невысокий получается». — Так сказал недавно тракторист кубанской станции Ольгицкий, ловивший свое выступление на читательской конференции изображению современной колхозной деревни.

«Всюкий процент жизни» — не есть ли это главное в литературе, если она хочет сохранить способность разрешать большие и сложные жизненные задачи, а не развлекать «после служебных тягот» (Маяковский).

И не потому ли приобретает такое большое значение тесно приближенный к жизни жанр — жанр очерка? Он призван не только давать правдивое изображение жизни, но и способствовать повышению «процента» ее в литературе, постоянно возлагая новые образы, факты, пласты жизни.

Журнал «Юность» напечатал очерки Анатолия Злобина, посвященные жизни и быту на целинных землях.

Очерк «В дороге» мог бы быть еще одним очерком о юности, возмужавшем в условиях работы на целине, но автор ушел от штампа, своими наблюдениями повисив «процент жизни» в очерке.

Юрий В-н едет на целину по довольно странной путевке, путевке, которой добился для него против его воли, обманув его отца, завод и райком комсомола, мачеха. Она была настоящей мачехой и всеми средствами хотела избавиться от пасынка. Она соорудила, как говорит Юрий, «целинный роман» о его желании поехать на целинные земли. Застенчивый и пассивный юноша не разоблачил ее, и вот он на целине.

По-очерковому расширяя свою тему рядом живых примеров из жизни спутников героя, показывает автор, как в грустной истории о том, как Юрий В-н попал на целину, намечается счастливый конец? Он приняла в свои ряды дружка комсомольская семья, он оказался в числе тех, кто вызвался поехать в самый трудный район, привлекший суровой романтикой труда. Силен очерк своей копковкой, где дана встреча автора с героем в Москве в кругу семьи, куда Юрий приехал в отпуск. Громко, весело и уверенно рассказывает он о своем доме там, на Алтае.

«Он был самым счастливым человеком в этой семье», — говорит автор. И это очень значительные слова. Так обогатил очерк свой очерк, включив в него глубоко жизненный материал. Он поспрашивал эгоистичного, ограниченного и корыстного человека, показав его бессилье перед торжествующей силой правильно нацеленной молодежи.

Но не все удачно в цикле А. Злобина. Вот «Израильский урожай». Здесь автор впадает в ту самую внешнею «раскату» оформления, о которой говорил кубанский тракторист. «Процент жизни» падает до нуля.

В спортивных состязаниях на празднике разыгрывается первенство по спорту. Двое юношей — тракторист Воронцов и помощник комбайнера Карпенко, оба влюбленные в дочку Натану, — вперед всех. Их шапсы колеблются. В решающем соревновании по плаванию доплывший первым Воронцов (неудачник, как это выясняется впоследствии, Натане) с возгласом: «Посвящая тебе свою победу!», подбрасывает на скамью, где стоит девушка, подарок ей: яркую шелковую косынку.

Угодный девушке Леонид Карпенко отстал, оказывается, потому, что, сорвав на другом берегу цветы для Натану, пыла, дерба их над головой, и, таким образом, греб одной рукой. Приплыл, он размыкает Натану и крикливо вылетает на виду у всех цветы к ее волосам.

Итак, атрибуты средневековых рыцарских турниров в честь «прекрасной дамы» налицо. Механически перенесены они на повод всеобщего праздника урожая на целине. Боюсь, что такого рода пропаганда романтики не попадает в цель.

Мы сомневаемся, понравится ли нашим девушкам повеление Карпенко, пренебрегшего победой в состязании, и не покажется ли неуместной, нескромной та торжественность, с которой юноши пытаются одарить Натану яркой косынкой или цветами.

Несколько правдивее и сильнее о подлинной романтике, если не любовь, то дружбу, говорит крошечная зарисовка в цикле Злобина под названием «Хлеб идет!». Страда уборки урожая в мокрую, гниющую осень. Бессонные ночи в работе. Девушка-комбайнер подвозит зерно для разгрузки и мгновенно засыпает.

Зерно разгружено. Сигнал к работе. Девушка не слышит. Бригадир влезает в кабину, осторожно отодвигает спящую девушку в угол. «Отдохни еще, — сказал Шубиц, — я посижу».

«Мелкий густой дождь скроет следы машин на дороге. Больше ничто не напоминало о маленьком эпизоде, происшедшем на краю поля», — заканчивает автор.

По маленькому эпизоду записки. И он запоминается читателю подлинной романтикой чувства, в нем запечатленной. Такая романтика лишена внешней «красивости», зато вырастает из глубоких истечников — товарищеской солидарности, общности отношения к миру.

Очерк — «разведка образом».

Он осуществляет эту свою роль только при «высоком проценте» жизни, при насыщенности ею.

Е. ЖУРБИНА

БЛИЖЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ!

Пока что у нас мало написано о молодежи, осваивающей целинные земли. Правда, в некоторых нрсах, рассказах и фильмах появились «целинные» контювки; герой пот занавес спешно собирает вещи и отправляется на целину. Книга очерков Витора Урина «Степные горизонты» (Сталинград, 1954, 130 стр., цена 2 р. 05 к.) отличается от таких произведений. В ней рассказывается о людях, для которых целинные земли уже стали родным местом жизни и труда. С какой силой и определенностью проявляется здесь характер советского патриота, сколько новых проблем, какое многообразие ситуаций и положений!

Очевидно, именно это и заставило писателя проехать сотни километров по степным дорогам, познакомиться с новоселами,

К Всесоюзному совещанию литераторов, пишущих на колхозные темы

их думами и делами. Но, судя по книге, В. Урин видит далеко не всегда значительное и важное. Даже в тех случаях, когда сама жизнь сталкивает писателя с действительно сложными и немаловажными проблемами, он зачастую стремится мыслить острей углы, выбирает наиболее легкие решения.

Очерк «Опытная станция» мог бы помочь работникам Вазуевской опытно-мелiorативной станции, привлечь внимание научной общественности, если бы В. Урин, сказав немало справедливого по поводу серьезных недостатков, не пришел к неожиданным выводам:

«Бывают такие обстоятельства, когда трудно найти виновных. Каждый по-своему прав. Чувствуется, что где-то орунует болтуны и лодыри, тормозящие дело. Но схватить за руку — не так-то просто. А сделать это надо. И выполнить эту роль должна Всесоюзная сельскохозяйственная академия, контролирующая деятельность научных учреждений». И после этого — обычные, быстрые уверения, что с старшей опытной станции страны вернется бывшая славя.

Нет, будь тут глубокая заинтересованность, тревога за существо дела, автор не остановился бы на полпути, он докопался бы до болтунов и лодырей и не отписался бы ничего не значащими словами.

В некоторых очерках писатель подменяет правдивое воспроизведение характеров и положений примитивными картинками. Вот был такой нехороший тракторист Анатолий Новиков («Жили три друга»). Он азнавался, вышивал, работал из рук вон плохо, сломал трактор. Поговорив с ним по душам секретарь райкома комсомола, и сразу перебрался человек. «Ему казалось, что себялюбиво и тщеславие уходят куда-то в прошлое, но как назвать то новое, что появляется в его сердце?»

Или вот Митяка Черемушкин хотел бросить совхоз и уехать на гидрометр, но вдруг улеся осуждением болота («Соловьи»). Митяку назначили бригадиром, и он запросто добился небывалых успехов, прославился, завоевал авторитет, стал чуть не правой рукой директора совхоза...

А было тому Митяке пятнадцать лет от роду.

Несколько выделяется в сборнике очерк «Живо-живые», где автор значительно ближе к действительности. И, что также необходимо заметить, написан этот очерк более тщательно, чем остальные вещи. Для ряда очерков книги характерно сочетание штампованных фраз с псевдокрестьянскими оборотами. Нередко встречаются и предложения, смысл которых нелегко поддается расшифровке.

Вот может, очерки В. Урина — лишь самая первая, непосредственная, а потому и недостаточно глубокая реакция на увиденное. Хочется надеяться, что за ним появятся вещи, свидетельствующие, что подсказка писателя была плодотворной.

В. КАРДИН

Кто не помнит тех бурных и радостных дней, когда тысячи юношей и девушек отправлялись по зову партии на целину! Мы с жадным вниманием прочитываем каждую книгу (их еще обилие было в нашей литературе), каждую статью, посвященную этим дням. В Краснодаре вышла в свет документальная повесть комсомольских работников Н. Карастоянова и В. Наверина «На целину!» — о самостоятельном и героическом труде покорителей целины (Краснодарское книжное издательство, 1955. 90 стр. Литературная обработка В. Попова).

Картины мирной (такой ли уж мирной?) жизни в Приморско-Алтарке Краснодарского края открываются повесть. Ее герой — комсомольцы тракторной бригады Виктора Тарады — ночью во время бурана спасают скот от гибели. Мы верим, что не за «длинным рублем» отправляются эти люди на передний край борьбы за урожай.

В обстановке торжественности и... суеты проходят дни перед отъездом на целину. Но уже в поезде жадная до знания, не способная сидеть без дела молодежь превращает эпизод в «предвзвешенную школу передового опыта». Алтайцы сразу приняли новоселов в свою семью, разместили их в своих домах. В первый же день по приезде на место бригада Виктора Тарады получает конкретный участок; абыто. Но, может быть, и дальше все так легко давалось им? Нет. Непривычными и более тяжелыми, чем прежде, оказались условия труда, суровым и капризным климатом, а главное, остро не хватало людей — людей не хватало даже на освоение уже «обжитой» земли: «Приходилось использовать каждый погожий час, каждую минуту. В бригаде не хватало прищипчиков и сельщиков. Трактористы, слав трактор сменичку, садлись за плуг или становились на саялку. И бригадир Виктор Тарада, и его помощник Алексей Сергеевич Науник, и учитель Лина Ковалева тоже работали по прищипчикам, то сельщикам. Молодые механизаторы спали не более трех-четырёх часов в сутки».

Ничто не сломило комсомольцев: в труде закалялись характеры, крепнет дружба. Многих людей узнаем мы, читая повесть. Это в первую очередь члены бригады, руководители МТС и района, в книге помещены даже портреты некоторых из них (что не так часто встречается в документальной литературе). И все же запомнились лишь очень немногие. В чем же дело? Думаем, в том, что мало показаны действующие герои, — надо раскрыть их внутренний мир. Ведь это требование является обязательным и для документальной повествования. В самом деле, каким душевным богатством, очевидно, обладает Инна Сирина — комсомольский организатор МТС. Инна нарвине со всеми (вернее, во главе всех) спасает скот, трудится на целине, борется с рутинерами за внедрение перекрестно-диагонального способа полевых работ. А может быть, стоило бы показать, что и ей, чу хоть немножечко, трудно — не ограничиваясь сентенцией: «Так и нужно! Комсомольский секретарь во всем должен быть образцом!»

«Матя больше не будет! Честное слово, Виктор, не будет...»

«Только ты утром должен извиниться перед всеми ребятами и особенно перед Лидой...»

«Хорошо! — покорно согласился Галыгин».

Читатель верит, что Владимир Галыгин перевоспитался, что он и был-то, по существу, отличный парень. Но вера эта возникает без помощи авторов повести. Просто читатель домысливает это за авторов.

Несколько излишня та шумиха, которой в повести окружены дела бригады: «В красном уголке то и дело требовательно дребезжал телефонный звонок. Звонили из Табунов и из Барнаула, звонили из редакций краевых газет и отдела радиоинформации, из студии кинохроники и управления сельского хозяйства».

Если прибавить к этому и другие телефонные звонки, то появляется впечатление некоторой исключительности бригады Виктора Тарады.

Итак, не все совершенно в этой повести, недостаточно хорош (несмотря на литературную обработку) ее язык. Но она интересна, как простой и бесхитрый рассказ очевидцев о жизни молодых покорителей целины.

Г. ШУКСТ

БОЛЬШОЕ В МАЛОМ

В ставшие уже историей первые годы коллективизации женщина потеряла мужа: кулаки убили коммуниста-двадцатипятилетнего чинака.

На руках у друзей он лежал недвижим, как солдат после боя под знаменем алым.

Но кто же упрекнет эту вдову в том, что она не оправдала высокого звания «жены коммуниста», если сегодня, четверть века спустя, по призыву партии уезжает на работу в село ее сын, принимая, как астафету поколений, начатое еще отцом дело?

И как в «том двадцать восьмом», едет в деревню эта женщина, теперь уже с сыном, едет и его молодая жена.

И припомнились долгие ночи без сна, как с тревогою ждала на рассвете, ты все это

РАЗВЕЯННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Международная обстановка изменилась. По-разному оценивается это изменение. Но есть одно общее, на чем сходятся все — люди самых различных взглядов.

Единодушное мнение сводится к тому, что на совещании в Женеве Главы правительств четырех держав пришли к выводу о невозможности решать международные споры силой оружия, посредством войны. Так гласили официальные документы совещания, так восприняли итоги Женевы народные массы всех стран. И точно так же расценивался исход совещания буржуазной печатью. Известный американский обозреватель Липпман резюмировал: «Слова, сказанные в Женеве, носили характер деклараций и обязательств о том, что они (четыре державы. — Б. Л.) не вступят в войну».

Однако сейчас, на пороге совещания министров иностранных дел четырех держав, которое должно состояться в Женеве в конце октября, на Западе наблюдаются рецидивы прежних настроений, реставрация, казалось бы, отброшенных политических иллюзий. Многие американские, английские и французские газеты с удивительным единодушием и подчас в одинаковых выражениях призывают отказаться от того самого основного, что было достигнуто на совещании Глав правительств. Повторяемое чаще других мнение сводится к требованию обеспечить на земном шаре и, в частности, в Европе, «равновесие сил».

Что же понимается ныне под этими двумя словами и какова та иллюзия, возродить и воскресить которую пытаются некоторые деятели и выражающие их взгляды органы прессы?

Иллюзия, долгое время лежавшая в основе политики влиятельнейших кругов на Западе, состояла, кратко говоря, в следующем. В связи с тем, что после второй мировой войны многие народы вступили на новый путь, путь социализма, необходимо заставить их вернуться к старым формам общественных отношений, к капитализму. Это якобы можно добиться силой оружия или, по крайней мере, угрозы оружием. В этой цели могут привести неизбежно, угрожающие вооружения всех капиталистических стран, связанных между собой военными союзами и блоками.

Разумеется, эта программа провозглашалась открыто разве только какими-нибудь неумными генералами. Политические деятели, обозреватели предпочитали и в предшествовавшие годы прикрывать ее рассуждениями об отсутствии необходимости «равновесия сил» между социалистическим лагерем и капиталистическим миром.

Как опасны подобные «теории», показывает опыт недавнего прошлого. Не раз уже в вышедшем столетии угроза войны возникла с того момента, когда одна или несколько держав приходили к выводу, что их не устраивает существующее положение, что земной шар должен быть переделан заново, с учетом возросшей силы, промышленной мощи, «достойности» этих государств. Так было, например, перед первой мировой войной. Лихорадочные вооружения, складывались союзы, взаимные угрозы и полски предлога для всевозможных конфликтов были, таким образом, только следствием, практическим результатом определившихся стремлений. И война началась.

Характерно, что многие агрессивные притязания в прошлом «обновлялись» ссылкой на то, что в мире нет «равновесия». Гитлеровцы заявляли: в Европе нет равновесия, прорвите нам Австрию — мы успокоимся, на нашу чашу упадет такой кусочек, что равновесие восстановится. Потом они говорили: надо еще кусочек Чехословакии, надо еще Польшу, а затем их аппетит возрос до чрезвычайности.

Перейдем к нашему времени. Техника сокращения войны бесспорно усовершенствовалась. За последние десять лет в оправдание отказа от мира — мира на основе признания происшедших по воле народов социальных изменений — выдвигаются «сверхчуждые» и «благородные» причины. Кричат об «освобождении» стран

Б. ЛЕОНТЬЕВ

народной демократии от... свободы, которую они завоевали, говорят об исключительно «оборонительном» характере подобной политики, не скрывая, впрочем, ее противоположного названия и откровенно именуя ее: «политика с позиций силы».

Больше того. Учитывая желание всех народов, болящее о «признании» принципа сосуществования разных систем на земле. Однако заявляют: мы за сосуществование, но сначала коммунизм должен отступить, отойти то «линее», что он успел получить. При этом находятся люди, твердо знающие, что именно лишнее, а что не лишнее: например, народный строй в Китае — это, видите ли, «линее» для социалистического лагеря, Китай надо поэтому вернуть Чан Кай-ши, невзирая на то, что его прогнал китайский народ. Вот когда коммунизм отступит, отстант кусочек, — мы успокоимся и согласимся на сосуществование. А без этого нет необходимого равновесия...

И даже сейчас, в качестве рецидива застарелой болезни, в западной прессе варьируется все тот же мотив. Вот, например, последнее выступление английского еженедельника «Обсервер». По его мнению, западные державы считают, что «никакое прочное равновесие на европейском континенте невозможно, если граница коммунизма не будет отодвинута, по крайней мере, к Одеру».

Здесь налицо все элементы затрепанной маскировки территориальных притязаний. Говорят, конечно, о «равновесии». Его, оказывается, нет и не будет, пока кому-то не отхают «кусочек». Есть — так же

Женевский график их явно не устраивает... Рис. М. Абрамова

как это бывало и раньше — отговаривают «равновесия» другими словами, отдайте сейчас нам «кусочек», а в будущем, не исключена возможность, мы потребуем еще.

Но кое в чем современные проповедники «равновесия» существенно отличаются от своих исторических предшественников. Ныне покушаются на внутренний строй государств, на естественные, жизненные права народов.

На земном шаре непрерывно происходят и будут происходить изменения, требующие народами, вытекающие из законов общественного развития. Может ли вообще идти речь о каком-то «равновесии» в области идеологии, социального строя различных государств, приемлемости или «неприемлемости» того или иного количества стран, отвергнувших систему капитализма?

Правильнее назвать это вмешательством во внутренние дела суверенных народов, грубой попыткой попортить волю народов, лишить их свободы устраивать жизнь по собственному желанию. При чем тут и вопрос о сосуществовании двух систем на земном шаре. Или вы признаете принцип сосуществования, предостерегающий прежде всего невмешательство во внутренние дела других стран, или не признаете этого великого принципа.

Иллюзии назвали мы все эти стремления повернуть вспять историческое развитие человечества, «отменить» изменения, которые произошли в жизни многих народов за последние десятилетия. Это — не реалистическая политика, ибо она не считается с действительностью, с волей свободных народов.

И сейчас с полным основанием можно говорить о крахе этой иллюзии. Прошло уже достаточно времени, чтобы увидеть воочию и понять (независимо от симпа-

тий и политических взглядов), что изменения, происшедшие в мире в итоге и после второй мировой войны, прочны, обречены плотно, вошли в жизнь народов.

Кто посмеет теперь отрицать, что новый народный строй в Китае поддержан и любим всем его населением, что он стал сутью и содержанием всей материальной и духовной жизни великой китайской нации, что ему принадлежит и настоящее и будущее? Кто осмелится зачеркнуть исторические годы строительства Германской Демократической Республики, где народ прошел огромный и трудный путь от мрачного прошлого господства милитаризма к полному демократии, к сознательному и радостному строительству социалистических отношений? Народные демократии Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании не только созданы и пользуются полной поддержкой народных масс, но и успели уже дать массовые осязаемые материальные и духовные результаты происшедших социальных изменений. Все эти страны, так же как и народно-демократические республики Кореи, Вьетнама, Монголии, высоко ценят полученную ими государственную и национальную независимость.

Если говорить откровенно, это желание во что бы то ни стало, раскудрить вопреки, изменить в пользу капитализма «соотношение сил» и является главной причиной международного напряжения. Подобные планы стоят на пути всеобщего мира, на пути международного сотрудничества.

Но банкротство этой иллюзии не нуждается в доказательствах. Хорошо сказал на днях товарищ Чако Энь-тай:

«Несмотря на тот факт, что империалисты враждебно относятся к нам, не признают нас и даже пытаются помешать нам, наша страна будет и впредь существовать и развиваться, станет еще более сильной, будет существовать вечно».

Образумить тех, кто способен образумиться, могут и слова товарища Отто Гротевольда:

«Германская Демократическая Республика является суверенным государством, которое признано рядом стран, в том числе двумя великими державами — Советом Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Капиталистические государства не хотят пока признавать, точно так же, как они в течение многих лет не хотели признавать Советский Союз, как сегодня некоторые из них не хотят признать великую Китайскую Народную Республику».

Однако ни Советский Союз, ни Китайская Народная Республика от этого не перестали существовать. Так же и Германская Демократическая Республика существует и будет существовать. Германская Демократическая Республика имеет сейчас торговые отношения со 100 странами. 20 капиталистических стран заключили с нами долгосрочные соглашения...».

Впрочем, крах отмеченной выше иллюзии признают теперь и на Западе.

«Дух Женевы», по общему признанию, состоит в том, что попытки решать международные споры силой оружия или угрозы оружием раз и навсегда отвергнуты великими державами. Иными словами, единственно возможным путем человечества состоит в мирном сосуществовании государств различных систем. Датская газета «Фюне вестредад» выражает явное удовлетворение разрывкой международного напряжения, заявляя, что «хотя еще не сделано, холодная война в действительности уже ликвидирована и доказана возможность сосуществования капиталистической и социалистической систем».

Те органы буржуазной печати, которые в меньшей степени подвержены непосредственному давлению дипломатии западных держав (что, в частности, видимо, побудило в последние дни американскую, английскую и французскую прессу снова на разные лады мусорить тему о «равновесии сил»), признают нереалистичность старой политики. Разумно и логично рассуждают, например, шведская «Стокгольмстининг», ставящая все точки над «и».

Советские руководители, пишет эта газета, «хотят работать в интересах мира, укрепить его, устранить опасность и гонку вооружений, но они вовсе не считают себя вынужденными платить какую-то особую цену за достижение этой цели, в которой стремятся все народы. Дух Женевы — это реальность, поскольку он означает серьезно обдуманный отказ от войны. Есть основания действительно надеяться и верить в это».

Иллюзии рассеиваются, реальности остаются. И реалистическая политика заключается в том, чтобы считаться с действительностью. Гальванизация иллюзий, уже развенчанная жизнью, может принести только вред, и прежде всего тем, кто вздумает им предаваться.

В театрах Германской Демократической Республики

Наступил октябрь — месяц, когда почти по всем странам мира перед тысячами зрителей после летнего перерыва широко раскрываются двери театров, концертных залов, цирков.

О театральные постановки начавшегося сезона на сценах Германской Демократической Республики рассказал недавно своим читателям немецкий еженедельник «Зонит».

В ближайшее время заповедный заслуженной популярностью коллектив «Берлинер ансамбль» покажет три премьеры. Среди них — пьеса лауреата международной Сталинской премии Бертольта Брехта «Швейк во второй мировой войне» и произведение американского драматурга Бэрри Стениса «Джо Хилл». Берлинский «Немецкий театр» покажет «Легенду о любви» Назыма Хикмета, театр имени Максима Горького (Берлин) — «Дорогу в Фюссен» Бехера. Из других постановок наиболее интересными представляются «Ян Гус» чешского писателя Прасека (Веймарский Национальный театр), «Зимняя битва» Бехера на сценах Веймара, Погода и Росток, «30 серебряников» Фоста в Виттенберге, «Лиззи» Сартра в Цинкау, Криммичау и Штральзунде, «Чертов круг» Гедды Циннер в Магдебурге.

Немецкие любители театра проявляют большой интерес к драматическим произведениям русских классиков и советских дра-

матургов. В этом видны растущие симпатии немской общественности к советской культуре и искусству, стремление как можно ближе познакомиться с жизнью и историей советского народа. Неудивительно поэтому, что в репертуаре театров ГДР на зимний сезон 1955/56 года включено так много драматических русских и советских пьес. Так, городской театр Карл-Маркс-штатда покажет своим зрителям горьковский «Варваров» в Веймарский Национальный театр — «На берегах Невы» Тренера. «Первая копия» Шиннелового будет показана в театре «Народная сцена» (Фалькшопен), недавно восстановленном из руин в Берлине, а «Калиновку рощу» Корнейчука готовят на своих сценах театры, расположенные в противоположных уголках ГДР: в Висмаре (по бережку Балтики) и в Мейнингене (запад Тюрингии). В Лейпциге, впервые в Германии, ставятся «Годы странствий» Арбузова. В Дрездене готовятся к постановке «Сомни и другие» Горького, в Веймаре, Анкламе и Дессау — «Чужой ребенок» Шварцманна, и Эрфурте — «Машенька» Афиногенова. Как видно из этого быстрого обзора, театральный сезон в Германской Демократической Республике обещает быть разнообразным и интересным. На сцене немецких театров выйдут Аристофан и Софокл, Шекспир и Уайльд, Шиллер и Клейст, Толстой и Островский, Мольер и Кальдерон...

Не так давно редакция венгерской газеты «Сабад фельд» («Свободная земля») объявила конкурс на лучший рассказ или очерк о новой жизни села. За короткое время со всех концов страны в Будапешт пришло 23 тысячи корреспонденций. Пусть многие из них не безупречны в литературном отношении, но в каждой — искренние, правдивые строки. И самое главное, все эти крестьянские послания проникнуты большой верой в завтрашний день, в будущее кооперативных хозяйств, а они уже сейчас изменили жизнь венгерской деревни.

«Я вступил в кооператив имени Петере в селе Хайдубесермь в 1949 году, — пишет Шандор Капуши. — И я не сожалее об этом. С тех пор я спокоен, как человек, обрешенный дом. Мы, члены большой семьи, любим друг друга, привязаны друг к другу. Все теперь совсем не так, как было в то время, когда нам приходилось бороться с трудностями жизни в одиночку. Нашему примеру последовали и другие: в селе Хайдубесермь существует уже семь кооперативных хозяйств. Можно сказать с уверенностью, и другие крестьяне последуют нашему примеру».

В производственном кооперативе имени Шаллаи села Кендеш (область Солмош) пять лет назад было всего несколько сот холмов земли (холм равен 0,5 гектара), большая животноводческая ферма, садовник.

Хороший урожай собрали в нынешнем году члены кооператива, хотя победа далась нелегко. На редкость холодная весна сорвала сроки полевых работ. Да и лето выдалось неровное: жаркие дни сменялись холодными. В дни жатвы часты были дожди. Тут-то и сказалась сила коллективного труда. Все почему так довольны эти молодые крестьяне, возбравшиеся на гору из мешков с зерном нового урожая (снимок справа внизу) — председатель сельского совета женщина И. Сонди и другие товарищи обсуждают наиболее выгодные вопросы.

На снимке справа внизу мы видим другое венгерское село — Фюзешдь-...

рат. Раньше здесь были старые покосившиеся хибары. Крестьянские уделы из производственного кооператива «Верш Чилла» возвели новые удобные жилища. Правда, вокруг них еще голо, не всюду убранный строительный мусор. Но это только начало! Весной заделают зеленая ливня фруктовых садов, а эти молодые деревца превратятся в густые лианы. Венгерский пахарь на собственном жизненном опыте убеждается в преимуществах коллективного хозяйствования на земле. Он все больше верит в правильность линии Венгерской партии трудящихся. Защищая интересы рабочих и крестьян, всего трудового народа, она решительно отвергла попытки правых оппортунистов подорвать социалистические позиции в стране, в том числе и в деревне.

Всюду на венгерской земле деревня приобретает новый облик. «В наше село провели электричество, — пишет Эржебет Сегеди из села Аба области Фейер, — мы получили здоровую питьевую воду. Построены новые здания почты и кинотеатра. Свободное время мы проводим в новом Доме культуры. Если бы воскрес мой дед, он не узнал бы Аба. Ведь и нам трудно его узнать!».

Многое изменилось в венгерской деревне за 10 лет. К услугам крестьян ныне 4000 библиотек, 1900 домов культуры, сотни кинотеатров, почти в каждом селе — коллективы художественной самодеятельности.

«Пона я рос, всегда хотел есть. Я хотел учиться и даже босым (обуви у меня не было) ходил. Бы в школу, но окончил три класса начальной школы, вынужден был пойти работать». Так вспоминает о своем детстве в старой Венгрии молодой крестьянин Геца З. Надь из Дебрецен-Беллегеа. Подобно Надю, жили раньше миллионы венгерских крестьян. Сейчас нет такого села в стране, где отсутствовала бы школа. На снимке слева — в школе деревни Катлаш урок ведет учитель Лайош Йонаш. Народное правительство отметило его труд высшей наградой республики — премией имени Кошута. А ведь еще сравнительно недавно, немногим более 10 лет назад, был учителем в Венгрии считалось за несчастье. «Кого бы хотел позвать на работу, того они сделают учителем», — говорит старая венгерская поговорка, отжившая свой век. Сегодня учитель в селе — уважаемый человек.

Е. ПЕТРУНИЧЕВ

Гости из Ирана

По приглашению Министерства культуры СССР в Москву несколько дней назад прибыла делегация известных деятелей культуры Ирана. Делегацию возглавляет Мохсен Форузи, директор Института архитектуры.

Приезд гостей из Ирана, бесспорно, будет способствовать дальнейшему культурному сближению иранского и советского народов. — Я имею честь от имени моих друзей, которые все являются известными в Иране деятелями искусства, выразить благодарное приглашение, — сказал на аэродроме перед микрофоном глава делегации Мохсен Форузи. — Я надеюсь, что дружеские культурные связи между нашими странами будут все более укрепляться. Мы, иранские деятели искусства, знакомы с художественными произведениями советских писателей, много слышали о работниках советской культуры, и нам очень хотелось познакомиться с ними лично. Сегодня, когда наше желание осуществляется, мы все испытываем большую радость. Мне хочется также поблагодарить за теплый прием, оказанный нам деятелями искусства Советского Азербайджана за время нашего короткого пребывания в Баку. Мы никогда не забудем эту теплую встречу.

«Делегация деятелей иранской культуры знакомится с Москвой, с ее культурными учреждениями. Гости посетили Третьяковскую галерею, побывали в Московской консерватории, присутствовали на репетиции трагедии Шекспира «Три Макбета» в Малом театре. Они видели балет Минкуса «Дон Кихот», а также фильм-балет «Ромео и Джульетта».

Гостям предстоит поездка в Ленинград и Ташкент.

И. Г. Лежнев

9 октября после продолжительной тяжелой болезни скончался талантливый советский литератор, публицист и критик — коммунист Исая Григорьевич Лежнев.

И. Г. Лежнев создал ряд крупных историко-литературных, публицистических и критических работ, прошел сложный и трудный путь творческого развития.

Широкую известность и заслуженное признание читателей приобрела его книга «Записки современника», впервые изданная в 1934 году.

И. Г. Лежнев горячо откликнулся на новые явления советского искусства. Его перу принадлежат ряд серьезных, глубоких научных работ о русских революционных демократах.

В годы Великой Отечественной войны им была написана разоблачительная врагов мира остро памфлетная книга — «Правда о Гитлере» и составлен публицистический сборник «Палачи Европы», в котором И. Г. Лежнев участвует и как автор.

Много лет И. Г. Лежнев вдумчиво изучал творчество И. А. Шолохова и создал первую монографию о творчестве этого крупного советского писателя, изданную в 1948 году. Кроме того, им был опубликован ряд статей о творчестве М. А. Шолохова и подготовлен к печати большой критико-биографический очерк о писателе.

Работы И. Г. Лежнева еще долго будут помогать читателю изучать литературу, а память о нем будет жить в сердцах всех, знавших этого принципиального, скромного, трудолюбивого и отзывчивого человека.

А. Фадеев, К. Симонов, В. Ажаев, В. Смирнов, Д. Полынов, К. Федин, Е. Долматовский, О. Писаревский, Н. Чертова, Ю. Чепурин, Н. Атаров, П. Антокольский, М. Исаковский, Вс. Иванов, М. Прилежаева, Ан. Тарасенков, В. Катаев, Б. Рыжков, С. Маршак, З. Александрова, Б. Пастернак, К. Чуковский, С. Щипачев, Д. Благой, А. Эрдман, Е. Кипович, В. Озеров, В. Рудный, Л. Никитин, В. Филан, А. Дымшиц, М. Тихонов, С. Макашин, В. Жданов, В. Кирпичников, И. Нович, В. Герасимова, В. Перлов, О. Резник, С. Бабеняшев, М. Юнович, В. Гоффеншефер.

Правление Союза писателей СССР и правление Московского отделения Союза писателей с прискорбием извещают о кончине писателя и критика

Лежнев Исая Григорьевича и выражают соболезнование семье покойного.

Гражданская панихида состоится во вторник, 11 октября, в 2 часа дня в Конференц-зале Союза писателей. Кремиция в 3 часа 30 минут.

В. ЛЮБИМОВА

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМIRHOV.